

УДК 81.367; 801.52

DOI: 10.21779/2542-0313-2023-38-2-76-80

Д.С. Самедов

**К вопросу об образе человека в даргинском языке
(*смелый и трусливый* мужчины в зеркале фразеологических единиц)**

Дагестанский государственный университет; Россия, Республика Дагестан, 367000, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 43а: dzhilil.samedov@mail.ru

В статье на материале фразеологических единиц даргинского языка рассматриваются образы смелого и трусливого человека. Определяются роль языковых символов с различными кодами культуры (зооморфным, телесным, растительным, предметным и т. д.) в формировании образов смелого и трусливого мужчины в даргинской фразеологической картине мира. Обращается внимание на лексический состав фразеологических единиц и его национально-культурную специфику, роль составляющих компонентов в создании мотивационной базы соответствующих фразеологических образов. Фразеологические единицы рассматриваются с точки зрения их национально-культурного характера и языковой маскулинной и фемининной символики, получившей исторически в сознании носителей даргинского языка своеобразное ментально-культурное осмысление. Для сравнительного анализа привлекаются аналогичные фразеологические единицы из других генетически родственных дагестанских языков. Отмечается, что на формирование средствами фразеологических единиц тех или иных маскулинных образов влияет менталитет носителей языка, их морально-нравственные ценностные установки.

Ключевые слова: *даргинский язык, фразеологизмы, гендер, образ смелого и трусливого мужчины, языковые символы, менталитет.*

Введение

Фразеологические единицы даргинского языка в лингвокультурологическом плане исследованы недостаточно. Между тем лингвокультурологические проблемы взаимодействия языка и культуры для лингвистического дагестановедения представляют несомненный интерес, о чем свидетельствует ряд научных публикаций по дагестанским языкам [1; 2; 5; 6]. Особую значимость такие проблемы имеют в гендерном аспекте. Представляют интерес и особенности исторической интерпретации (пересмысления) единиц языка в качестве маскулинных и фемининных символов (= культурных знаков) в сознании носителей языка. Важным фактором при символизации языковых единиц становится и менталитет народа, его морально-нравственные ценностные установки, оценочное отношение к лицам мужского и женского пола, к их внутренним качествам и внешнему облику.

С учетом сказанного в данной статье проводится лингвокультурологический анализ даргинских гендерных фразеологических единиц национально-культурного характера, актуализирующих образы смелого и трусливого мужчины.

Результаты исследования

В литературе отмечается, что маскулинность и фемининность, с одной стороны, являются филогенетически обусловленными свойствами психики человека, с другой же стороны – «социокультурными образованиями, складывающимися в онтогенезе» [4, с. 122].

Поляризация полов в единицах языка актуализируется обозначением собственно мужских (маскулинных) и женских (фемининных) качеств человека. В лингвистике и лингвокультурологии дихотомия «мужчина» – «женщина» смоделирована как явления языка и культуры [4]. Категория гендера получает особое преломление в единицах языка, в т. ч. во фразеологических единицах и создаваемых ими образах человека, являющихся фрагментами национальной языковой картины мира, хранителями этнокультурной информации.

Признак мужества, храбрости в дагестанских языках является демонстративно маскулиноцентричным. При этом внимание акцентируется не столько на временных состояниях лиц мужского пола, сколько на их действиях и внутренних качествах, часто эксплицируемых средствами компаративных фразеологических единиц, соотносительных с различными кодами культуры.

На основе сравнений в дагестанских языках выработан определенный стереотип смелого или, напротив, трусливого мужчины. Отдельные зооморфные коды культуры при этом (например, символ *орла*) выступают в качестве средств обозначения мужества и гордости, достоинства и свободы. Символический образ *орла* нередко маркируется и конкретизируется употреблением определительного лексического компонента «горный»: ср. в дарг. *цлудара члакаван кайзури* «о мужественном человеке» (букв. как горный орел стоит); в ав. *мугIрузул цлум* «о смелом, свободолюбивом, отважном человеке» (букв. горный орел); в лак. *зунттул барзу* «горный орел», в арч. *парххарттуб лилкъ* «о гордом, решительном человеке» (букв. летающий орел), *лилкъ бана йаттик тланкIбо* «набросился как орел» (об отваге мужчины) и т. д.

Такие фразеологические единицы с зооморфным кодом культуры, характеризую лиц мужского пола, дают возможность проникнуть в ментальность народа, в систему оценочных характеристик человека. Это говорит о том, что связь языка с национальной культурой реализуется через культурную коннотацию [8]. «Такая культурно маркированная коннотация возникает как результат интерпретации ассоциативно-образного основания ФЕ или метафоры посредством соотнесения его с культурно-национальными эталонами и стереотипами. Компоненты с символическим прочтением также во многом обуславливают содержание культурной коннотации» [4, с. 55].

Часть фразеологических единиц даргинского языка, обозначающих смелость мужчин, соотносится с вещным (собственно предметным) кодом культуры. В даргинском и в ряде других дагестанских языков при этом в качестве таких языковых символов используются названия предметов оружия: *баршибси тапанчагъуна* «о смелом, решительном человеке» (букв. подобный заряженному пистолету / как заряженный пистолет), *баршиб тупанггъуна* «о смелом, отважном человеке» (букв. подобный заряженному ружью).

Аналогичные фразеологические единицы имеют место и в других дагестанских языках: ср. в ав. *бахъараб хвалчен гIадав* «о смелом мужчине» (букв. подобный вытасценному [из ножен] кинжалу), *хонжрол гIоркъ ккурав* «о смелом, решительном мужчине» (букв. кинжала рукоять держащий); в арч. *дахис хIадурттут гъанжар бартту* «о решительном человеке» (букв. как готовый ударить кинжал), *олIниттут гъанжар бартту* «о решительном, смелом человеке» (букв. подобный вытасценному [из ножен] /

обнаженному кинжалу); в лак. *ххаржан дуккан* «проявить мужество» (букв. обнажить кинжал) и др.

В другой группе фразеологических единиц даргинского языка образ смелого, стойкого, решительного мужчины актуализируется и мотивируется употреблением в качестве компонента с вещным кодом культуры названий прочных (с точки зрения носителей языка) металлических или каменных предметов: *денила хлункъагъуна* «о храброе мужчине» (букв. подобный речному камню), *къазанна хленагъуна* «о мужественном, крепком, стойком человеке» (букв. как чугунная сковорода), *хлункъалла бутлагъуна* «о храброе человеке» (букв. как кусок булыжника [прочный]), *шалданна уркли* «о бесстрашном человеке» (букв. стальное сердце).

В отдельных дагестанских языках *сталь* символизирует крепкое здоровье, стойкость, выносливость: ср. в арч. *шаннин черх* «стальное тело», *шаннин икIв* «стальное сердце» (образ построен на маскулинной метафоре).

Часть фразеологических единиц компаративного характера содержит зооморфный код культуры. В таких фразеологизмах даргинского языка символами мужества в основном выступают ставшие культурными знаками языка субстантивы *бецI* «волк», *жанавар* «зверь», *хъиргъу* «сокол», *чIака* «орел»: *буцIи-ургав сартан бецI* «о мужественном человеке» (букв. среди волков сильный волк), *жанаваргъуна сай* «о решительном человеке» (букв. подобный зверю), *вацIилизив акIубси жанаваргъуна сай* «о бесстрашном, решительном, проворном человеке» (букв. подобный лесному зверю), *куц хъиргъула* «о человеке со смелым взглядом» (букв. ястреба взгляд), *цIудара чIакаван кайзурси* «о мужественном человеке» (букв. как черный орел стоит), *бецIла гали* «бесстрашный мальчик» (букв. волка щенок), *бецIла дурхIя* «о бесстрашном мальчике» (букв. волка детеныш = волчонок).

Фразеологические единицы, обозначающие трусость, менее продуктивны. Это связано с тем, что в языке средствами фразеологии актуализируется в основном более существенное для настоящего мужчины качество – смелость. Как и в первой группе фразеологических единиц, здесь используется прием компаративной оценки обозначаемого качества: ср. *гIяралагъуна урклира хIура* «о пугливом, трусливом человеке» (букв. с заячьим сердцем), *урухIуси гIяра* «о трусливом человеке» (букв. боязливый/пугливый заяц), *урухIуси тусухIяри* «о боязливом человеке» (букв. боязливый жук), *шинкIа маза* «о пугливом, боязливом, слабом человеке» (букв. мокрая овца) и др.

Практически во всех приведенных примерах мотивирующим фразеологический образ трусости признаком является «пугливость» (= ассоциативно-образный признак «убегания от страха»), негативно интерпретируемый по отношению к лицам мужского пола.

Менталитет носителей дагестанских языков связывает домашний очаг в основном с образом женщины, его хранительницы. Рядом с женщиной-матерью может находиться мальчик-малыш, но не мальчик-подросток или юноша. Иронически оцениваемый образ «маменькиного сынка» отражается в отдельных фразеологических единицах даргинского языка: *анкъилав цIакъси* «о трусливом мальчике» (букв. у камина смелый), *рукъу цIакъу* «о трусливом подростке» (букв. дома/у камина смелый) и др.

Фразеологические образы такого типа встречаются и в других генетически родственных дагестанских языках: ср. в арч. *цIаман ди оIхъаImIyттy* – в знач. «маменькин сынок» (букв. запах сита [от которого] не отошел // запахом сита пропитанный): здесь использован лексический компонент *цIом* «сито», связанный с образом матери и символизирующий домашний очаг; *кIурицихъаInнариши эвхдитту* «о трусливом, чрезмерно

домашнем мальчике, чрезмерно привязанном к матери» (букв. прилипший к доске для приготовления теста) и др.

Несколько фразеологических образов трусости в даргинском языке мотивируется лексическим компонентом *уркIи* «сердце», которое в сознании носителей языка интерпретируется как место локализации, прежде всего, эмоциональных качеств человека. «Отсутствие» же сердца (места локализации смелости) осмысливается как признак трусости (ассоциативно трусость, пугливость актуализируется обозначением «падения» сердца от страха или же его отсутствия): *уркIи агара* «о трусливом человеке» (букв. сердца не имеет), *уркIи агарси* «трусливый, пугливый человек» (букв. сердце не имеющий). Такие фразеологические образы даргинского языка, соотносительные с телесным кодом культуры, можно сравнить с аналогичными образами в других дагестанских языках: ср. в арч. *икIв итIутту* «пугливый, трусливый, нерешительный» (букв. сердца не имеющий), *икIв хъаIннатту* «о мягком, нерешительном человеке» (букв. с мягким сердцем), *икIв экас* «испугаться» (букв. сердце упасть), *икIв тIанкIбос* «испугаться» (букв. сердце прыгнуть), *икIв атIас* «сильно испугаться» (букв. сердце оторваться); в ав. *ракI тамахав* «о человеке с мягким характером» (букв. сердце [у которого] мягкое), *ракI тIезе* «сильно испугаться» (букв. сердце оторваться); в лак. *дакI хъячин* «испугаться»; в лезг. *ажуз рикI авай* «трусливый, с трусливой душой» (букв. слабое сердце имеющий), *рикI аватун* «испугаться» (букв. сердце упасть) и т. д.

Как свидетельствуют примеры, в разных дагестанских языках используется образ отсутствия сердца, его непрочности (мягкости) или «ухода» (падения) сердца со своего привычного места. Гендерно маркированные и негативно оценивающие мужчин фразеологические единицы используются преимущественно в женской речи, что также свидетельствует о предпочтительной положительной оценке и соответствующей языковой актуализации мужского качества смелости средствами фразеологических единиц. В целом же во фразеологических единицах даргинского языка, как и в ряде других дагестанских языков, *сердце* как источник эмоций часто метафорически идентифицируется с самим человеком.

Заключение

Интерпретация перечисленных выше фразеологических единиц и формируемых ими образов смелого и трусливого мужчины в даргинской фразеологической картине мира позволяет определить их национально-культурные смысловые и коннотативные компоненты. Переносно употребленные компоненты фразеологических единиц национально-культурного характера исторически в языковом сознании лингвокультурного сообщества приобретают символический смысл, ориентированный на оценочные характеристики лиц мужского пола.

Литература

1. Абдуразакова З.Г. Лингвокультурологическая характеристика аварских компаративных фразеологических единиц // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер.: Филологические науки. 2014. Вып. 3.
2. Магадова С.Ц. Образ трусливого человека в лакском языке // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер.: Филологические науки. 2014. Вып. 3.
3. Магомедов Н.Г. Даргинско-русский фразеологический словарь. – Махачкала, 1997.
4. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М., 2004.

5. Мисиева Л.А. Национально-культурная гендерная фразеология в аварском и английском языках // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер.: Филологические науки. 2014. Вып. 3.

6. Самедов Д.С. Образ человека в зеркале фразеологических единиц, построенных на основе принципа алогизма (на примере ФЕ дагестанских языков) // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер.: Филологические науки. 2011. Вып. 3.

7. Талибов Б., Гаджиев М. Лезгинско-русский словарь. – М., 1966.

8. Телия В.Н. Русская фразеология. – М., 1996.

9. Хайдаков С.М. Лакско-русский словарь. – М., 1962.

10. Шахбазова Х.В. Гендерные признаки русских и чеченских фразеологических и паремиологических единиц // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2018. Т. 33, вып. 1.

Поступила в редакцию 13 декабря 2022 г.

UDC 81.367; 801.52

DOI: 10.21779/2542-0313-2023-38-2-76-80

To the Problem of the Image of Man in the Dargin Language (a Bold and Cowardly Man Reflected in Idioms)

D.S. Samedov

*Dagestan State University; Russia, Republic of Dagestan, 367000, Makhachkala,
M. Galzhiev st., 43a; dzhilil.samedov@mail.ru*

The article on the material of the phraseological units of the Dargin language examines the images of a bold and cowardly person (man). The role of language symbols with various cultural codes (zoonymous, bodily, plant, etc.) in the formation of images of a bold and cowardly man in the Dargin phraseological worldview will be determined. Attention is drawn to the lexical composition of phraseological units and its national-cultural specificity, the degree of participation of the constituent components as a motivational base of the corresponding phraseological images. Phraseological units are considered from the point of view of their national-cultural character and linguistic masculine and feminine symbolism, which historically received a peculiar mental-cultural interpretation in the minds of speakers of the Dargin language. For comparative analysis, appropriate phraseological units from other genetically related Dagestan languages are involved. It is noted that the formation by phraseology of certain masculine images is influenced by the mentality of native speakers, their moral values.

Keywords: *Dargin language, phraseologisms, gender, image of bold and cowardly man, language symbols, mentality.*

Received 13 December 2022